

Марина
СЕРОВА

Пульт дистанционного убийства

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Пульт дистанционного убийства

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Пульт дистанционного убийства / М. С. Серова — «Эксмо»,
2016 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

ISBN 978-5-699-87260-2

Об этом шикарном особняке, оснащенном по последнему слову компьютерных разработок, давно ходят легенды у местных. Говорят, что все его хозяева умерли не своей смертью. Кто-то из них погиб в автомобильной аварии, кто-то сошел с ума. Но больше всех не повезло последней хозяйке, совсем недавно вступившей в права наследования. Ее нашли задушенной в собственной постели. Этим обстоятельством очень обеспокоен следующий наследник – Бронислав Зеленский. Он вовсе не хочет повторить судьбу предыдущих хозяев особняка и потому обращается за помощью к известному частному детективу Татьяне Ивановой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87260-2

© Серова М. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Пульт дистанционного убийства

© Серова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

– Это ужас!! Ужас!!!
– Лена, успокойся...
– Да как я могу успокоиться?! Нет, ты не понимаешь... Ведь все они сошли с ума!! А ее убили!!!

Все было бесполезно. Если уж мою подругу Лену, учительницу французского языка, что-то трогало до глубины души, то эмоции у нее всегда били через край, и успокоить ее было просто нереально. Разве что какой-нибудь учитель немецкого мог бы тут... Впрочем, чего не знаю, о том не говорю.

Разговор наш происходил по телефону, и показать свое участие, то, что мне тоже не безразлично событие, так взволновавшее Лену, я могла только одним способом – пригласив ее к себе и попросив изложить все в личной беседе.

Думаю, именно этого она и добивалась.

Что-то подсказывало мне, что не просто так она решила вылить свои эмоции именно на мою голову. Слишком уж часто в ее сумбурной речи, изобилующей междометиями и восклицательными знаками, звучало слово «убийство».

Поскольку из нас двоих расследованиями всевозможных убийств занималась именно я, то не нужно было и к гадалке идти, чтобы догадаться, зачем позвонила Лена. Ставлю десять против одного, что сейчас она придет и, вытаращив на меня круглые глаза, начнет вопить, что мой долг, моя святая обязанность и предназначение в том, чтобы тут же, сейчас же, не отходя от кассы, немедленно начать выяснять, кто и кого там убил. И, разумеется, ни словом не упомянет при этом о материальном вознаграждении.

Имея все это в виду, я в ожидании приезда Лены мысленно подбирала наиболее мягкие и корректные речевые обороты, которые обычно используются, когда кто-то кому-то хочет вежливо отказать.

Конечно, Лена была моей подругой, и в другой ситуации я, возможно, помогла бы ей безвозмездно, но только не сейчас. Сейчас я была очень жестко на мели, а главное – с головой погружена в одно странное расследование, которое занимало все мое время.

«Не разорваться же мне, – думала я, готовя для своей подруги кофе и доставая шоколад. – И потом, еще неизвестно, что это за история, которая так завела ее. Кто там сошел с ума? Может, просто пустяк какой-нибудь. Знаю я эту Ленку... На пустом месте трагедию выдумает, всех на уши поставит, а потом окажется, что дело выеденного яйца не стоит. Правда, она что-то говорила там об убийстве... Кто ее знает, может, и не пустяк... Ну, если не пустяк, я ее к Кире пошлю. Пускай официальное заявление напишет. Полиция тоже работать должна. Не все же мне одной... И что это они как с цепи сорвались, все с ума сходят?»

Факты загадочных сумасшествий действительно что-то уж слишком часто стали возникать в моей жизни в последнее время. А все из-за этого расследования...

Дело, которым я занималась сейчас, и впрямь было довольно странным. Если бы не глобальный финансовый кризис, в котором я находилась, думаю, я ни за что не взялась бы за это расследование. Но кризис грозил перейти в катастрофу, а других предложений не было.

Расследование заказал некий желчный господин по имени Станислав Брониславович Зеленский. В этом имени, да и во всей внешности и манерах господина Зеленского явно чувствовалось присутствие польских корней, что, впрочем, отнюдь не делало ни имя его более удобопроизносимым, ни общение с ним более приятным.

Характер у моего клиента оказался капризный и заносчивый, отношение к окружающим высокомерное, и в дополнение ко всем этим прекрасным качествам он был еще и скуповат. Но в тот момент выбирать мне не приходилось.

Проблема же, с которой он ко мне обратился, вообще поначалу заставила меня сомневаться в его умственном здравии.

Зеленский утверждал, что некая особа, желая остаться единственной наследницей некоего состояния, довела до сумасшествия всех остальных претендентов, в результате чего те бесславно закончили свои дни в специальном учреждении, а особа в настоящее время живет себе преспокойненько в полученном таким подлым способом элитном коттедже и в ус не дует.

Расспросив о подробностях, я выяснила, что эта самая особа состояла в весьма далеком родстве с людьми, которых она якобы свела с ума, и даже не общалась с ними. Более того, выяснилось, что некоторые из членов семьи, о которой шла речь, страдали психическим заболеванием, которое могло передаваться по наследству. Заболевание это протекало в скрытой форме, но нет-нет да и появлялся в роду кто-нибудь, кто нуждался в помощи специалистов.

Зеленский утверждал, что подозреваемая им особа, зная это обстоятельство, каким-то образом провоцировала обострение болезни, и человек, до этого вполне нормальный, начинал постепенно «съезжать с катушек» и попадал сначала в психушку, а потом и вовсе в мир иной. Болезнь была такова, что после того, как она проявлялась в острой форме, пациенты долго не жили.

Вся эта история выглядела весьма подозрительно. Каким образом может спровоцировать обострение психического заболевания человек, который даже не знаком с носителем этого заболевания? Ведь для того чтобы знать, что именно может «зацепить» клиента, нужно постоянно общаться с ним, понимать все особенности его характера, да и вообще быть довольно тонким психологом. Но даже и в таком случае результат никто не гарантирует. Кто сможет сказать, какая попытка окажется удачной и сколько времени придется экспериментировать?

И вообще, что это за странный способ получения наследства? Если уж человек задается подобной целью и хочет убрать с дороги всех, кто ему мешает, он гораздо тщательнее продумывает свои действия и уж наверняка выбирает более надежный способ устранения конкурентов, чем призрачное: «выйдет – не выйдет». Даже если выбирается такой экстравагантный способ устранения наследников, как сведение их с ума, то и здесь существуют гораздо более надежные средства. Некоторые препараты, например.

Но когда я спросила об этом Зеленского, он выразил сомнение. Почему-то ему больше нравилась версия о том, что обострение болезни было спровоцировано именно путем морального воздействия, а никак не с помощью лекарств. Причем каким образом могла вышеназванная особа осуществить это воздействие, даже не будучи знакомой с пациентами, он предоставлял выяснить мне.

В общем, чем дольше продолжалась наша беседа, тем больше я сомневалась во вменяемости самого Зеленского.

Однако напоследок он сообщил мне одну небольшую деталь, которая сразу очень многое сделала понятным. Еще в самом начале своего рассказа Зеленский говорил, что судьба распорядилась так, что в настоящее время в семье, о которой идет речь, не осталось никого, кто имел бы прямое право на наследство. Как-то получалось так, что все постепенно друг за другом умирали, и наследниками имущества, представленного уже упомянутым домом и прилегающим к нему небольшим поместьем, становились все более и более дальние родственники. Документы были составлены так, что дом в любом случае должен был оставаться в семье и, если не оказывалось прямых наследников, должен был переходить к ближайшему из родственников.

На данный момент ближайшей родственницей оказывалась та самая особа, которую мой клиент подозревал в столь коварных действиях. Так что сама процедура оформления на нее

наследства была совершенно законной. Но пути, которыми она добилась этой процедуры, представлялись пану Зеленскому весьма криминальными.

Самым интересным здесь было то, что следующим наследником после особы оказывался сам Зеленский. Именно он был самым близким из всех дальних родственников, которые еще остались в живых и могли претендовать на дом.

Узнав об этом, я сразу поняла, в чем заключается основной мотив действий моего клиента. Поскольку сам он, по всей видимости, не знал способа, как свести человека с ума на расстоянии, то решил прибегнуть к более реальным методам. Думаю, заказывая мне это расследование, он рассуждал приблизительно так: «Пусть покопается. Нароет чего-нибудь – преступники получают заслуженное наказание, а я – законное наследство. Не нароет, так хоть нервы этой заразе потреплет, и то хлеб».

Впрочем, сам Зеленский, разумеется, тут же оговорился, что человек он обеспеченный и деньги ему ни к чему, а руководствуется он исключительно чувством справедливости.

В общем, дело, которым я сейчас занималась, было странным и даже несколько дурно пахнущим, но когда ко мне пришел Зеленский, я сидела без копейки и выбирать не приходилось. Клиент соглашался платить, я соглашалась делать для него работу.

Самой мне казалось, что результаты этой работы я знаю заранее, но тем не менее я, как всегда, тщательно отработывала все возможные версии.

В первую очередь я занялась наиболее вероятной, на мой взгляд, версией. А именно предположением, что случаи сумасшествия (которые, кстати сказать, действительно имели место) были обусловлены вполне естественными, так сказать, генетическими причинами. Если члены семьи, о которой шла речь, были носителями гена психического заболевания, то не было ничего странного в том, что в какой-то момент это заболевание дало о себе знать.

Руководствуясь этими соображениями, я посетила некоторые медицинские учреждения нашего города и действительно выяснила, что интересующие меня граждане время от времени обращались к специалистам по поводу различных нервных срывов и даже, как люди обеспеченные, пользовались услугами личного психолога.

Но по словам врачей, срывы эти были вполне рядовыми и не являлись проявлением наследственной психической болезни. Сама болезнь если уж давала о себе знать, то не имела обратного развития, а с течением времени только прогрессировала, приводя в конце концов к летальному исходу. Причем очень быстро приводя.

Таким образом, все происшедшее вполне можно было объяснить естественными причинами. Регулярные нервные срывы, постепенно накапливающееся раздражение, которое в один прекрасный (или ужасный) момент и провоцировало развитие скрытого до поры до времени недуга. Но как профессионал, я должна была выяснить все до конца, поэтому не преминула затронуть тему провоцирующих факторов и то, насколько они обязательны для обострения болезни.

На это, как и ожидала, я получила ответ, что провоцирующие факторы возможны, но вовсе не обязательны. Недуг, заложенный в генах, гораздо чаще проявляет себя в результате сбоя в каких-то физиологических процессах, чем в результате моральных воздействий. Не говоря уже о том, что это самое воздействие должно ударить именно в нужную точку, чтобы вызвать недуг.

В общем, то, что сказали мне врачи, вполне соответствовало и моим собственным представлениям. Но, разумеется, одними словами я не удовлетворялась, а всеми правдами и неправдами вырвала из цепких лап медперсонала копии всех нужных мне справок и документов. Клиент всегда хочет знать, за что он платит деньги, а уж такой клиент, как Зеленский, и подавно.

Материалов, которыми я располагала на данный момент, в общем-то было вполне достаточно, чтобы убедить кого угодно в том, что случаи сумасшествия обусловлены врожденным

недугом. Но я пообщалась с господином Зеленским уже достаточно, чтобы понять, что ему этого не хватит. Очень уж он был рассержен на девушку, которая стояла сейчас между ним и одним, как я догадывалась, очень недешевым объектом недвижимости, обладателем которого он мог бы стать, если бы не она.

Поэтому, заручившись, с одной стороны, справками из больниц, я должна была, с другой стороны, убедиться в непричастности ко всему происшедшему этой самой особы. Мне необходимо было получить настолько неопровержимые доказательства ее алиби, чтобы сам Зеленский не нашел там к чему придраться. Либо... либо мне предстояло обнаружить ее причастность и убедиться в том, что все фантастические доводы моего клиента имеют под собой реальную почву.

Впрочем, такой вариант развития событий представлялся мне весьма сомнительным.

В общем, я как раз собиралась вплотную заняться отработкой девушки, которая, похоже, сама того не подозревая, перешла дорогу одному желчному господину с польскими корнями, когда мне позвонила Ленка и начала вопить в трубку о каком-то убийстве.

– ...и главное, за что?! Что она кому сделала? Мухи не обидела!

Уже минут двадцать Лена сидела у меня на кухне и, нервно отламывая кусочки шоколада, испытывала меня на прочность возмущенными восклицаниями.

– Да ты толком расскажи. Полчаса уже сидишь, а хоть бы два слова связно произнесла.

– Так я же тебе и рассказываю. Работает у нас девочка... то есть работала... Да... ну вот. Наташа. Наталья Александровна. Она историю вела. Ну вот. Хорошая очень девочка... ну, впрочем... это... ладно. Так вот. Приходит она однажды в учительскую, радостная такая, возбужденная. Мы спрашиваем, что да как, все шутили, что, мол, Пашка, что ли, тебе предложение сделал... Пашка – это парень ее. А она, нет, говорит, не сделал, да и не нужен мне теперь Пашка, я, говорит, теперь богатая невеста, я себе получше найду. Ну, шутила, конечно... Ну вот. И рассказывает нам, что позвонили ей из юридической фирмы и сообщили, что теперь она наследница какого-то большого состояния, поскольку все остальные родственники умерли. Представляешь?! Прямо как в кино. Ну вот. Ну мы, конечно, порадовались за нее, стали расспрашивать, сколько миллионов на ее голову свалилось. А она говорит, что наследство не в деньгах, а в недвижимости. Что она приходится какой-то дальней родственницей какой-то богатой семье, и в этой семье родовое поместье не может быть отчуждено, а всегда должно оставаться у кого-то из представителей фамилии. Ну, знаешь, как раньше в Европе был... этот... как его... майорат, по-моему, назывался. Только там прямо такой закон имелся и всякие юридические нюансы были установлены, а у нас так... как бы... ну, как это сказать... В общем, завещание, что ли, там или документы на дом так были составлены, что в любом случае он оставался у кого-нибудь из членов семьи. В первую очередь, разумеется, у старших, а потом, если случалось что-нибудь, например кто-то умирал и не оставлял наследников, то переходил по старшинству к ближайшим родственникам...

Я с большим интересом выслушала рассуждения школьной учительницы из провинциального Тарасова о нюансах европейского законодательства и не удержалась, чтобы не спросить:

– Лена, а вот про этот... как ты назвала?... кажется, майорат? Да? Про него ты прямо в Европе узнавала? Или из каких-нибудь других источников?

– Я... читала... – не понимая иронии, ответила подруга. – Чего ты ухмыляешься-то? Да, читала в книгах. Возьми любой французский роман. Там, как только речь о наследстве, так на каждой странице майорат да майорат... Да хватит тебе ржать, сейчас вообще уйду. Я ей про убийство, а она ржет...

– Ладно, ладно, не буду. Только ты пока про убийство ни слова не сказала, а все больше... про майорат.

– Танька! Я сейчас точно уйду. И больше никогда разговаривать с тобой не буду. И вообще...

– Ну все, не дуйся. На вот шоколадку еще. Так ты говоришь, дом переходил по старшинству?

– Ну да. Наташа даже специально все это узнавала. Она ведь историк. Так, просто даже ради интереса... оказалось, что эта семья – в прошлом очень богатые помещики. Их род дворянский и еще при крепостном праве они владели здесь у нас, в Тарасове, большими угодьями и... как это... душами. Ну то есть крестьянами. Крепостными. Ну вот. У них были земли и в других местах, но главное гнездо было здесь. И поэтому тогдашний глава семейства решил закрепить дом и поместье за семьей навсегда. Составили документы, оформили все как полагается. И там было указано, что деньги и другое имущество могут быть разделены, а дом и поместье всегда должны оставаться за старшим в семье. Но самое интересное, что им удалось сохранить все это даже во времена революции и нашего долбаного социализма. Представляешь?! Конечно, на блюбочке с голубой каемочкой им тоже никто ничего не принес, но тогда в нашей местности это были весьма заметные люди, они имели связи, знакомства... а главное, сумели вовремя перестроиться. Конечно, большую часть владений у них отобрали, но используя некие рычаги, им удалось оставить за собой дом и прилегающий к нему земельный участок. Уж что там они ввали, можно сейчас только догадываться. Представились, например, сочувствующими... или вообще... крестьянами какими-нибудь... неимущими. При их связях – ничего удивительного. Наверняка кто-нибудь из родственников к местной большевистской верхушке был близок. Впрочем, это все лирика, но факт остается фактом: дом и усадьбу они сохранили. Согнали в этот деревенский дом всех имеющихся родственников (семейство тогда было довольно многочисленным) да и засели в нем в ожидании лучших времен. И колхозы пересидели, и совхозы... и войну. Хорошо все-таки, когда большая семья... кто-нибудь да останется. А у Наташки, у нее ведь никого не было. Родители погибли, когда она еще совсем маленькой была... а теперь и ее...

Я видела, что подруга моя уже готова расплакаться. Нужно было срочно менять тему.

– Но если у нее не было родственников, то как же получилось, что она стала обладательницей этого самого наследства? – спросила я.

– А потому что все умерли.

– Как это?

– А так. Основных, прямых наследников, из еще тех, давних помещиков, после войны осталось в живых двое – брат и сестра. Сестра эта как-то затерялась, то ли в Германии осталась после войны, то ли еще где-то за границей, а брат вернулся, стал добра наживать. Нарожал троих детей погодков, и после его смерти дом унаследовал уже его старший сын. Но тот многодетную семью создавать, по-видимому, не планировал, больше бизнесом занимался, и ребенок у него один был. Тоже мальчик. Ну и, конечно же, для этого мальчика были открыты все дороги. И учеба в Москве, и работа у папы, и прочее, и прочее. Ну и дом, соответственно, рано или поздно к нему должен был перейти. Только судьба иначе распорядилась... Прямо рок какой-то над этой семьей. Эти в катастрофе погибли – представляешь? Только в автомобильной. Хотя... кажется, там какой-то поезд был, Наташка говорила что-то, но я как-то не уловила. Главное, факт в том, что отправилась на тот свет вся семья в одночасье. Ужас... Ну вот. А после этого остались младшие брат и сестра, те уж без семей. По возрасту следующим был брат, и дом перешел к нему. Он пожил в нем немного и... сошел с ума. И потом быстро умер. После него дом перешел к сестре. Она тоже сошла с ума. И тоже умерла. На этом прямые наследники закончились, и юридическая фирма, которая на тот момент занималась делами семьи, стала искать не прямых. А из не прямых ближайшей по родству оказалась Наташка... если бы она могла знать, чем это для нее закончится! Но нет, никаких дурных предчувствий у нее не было. Даже несмотря на два этих странных случая...

– Каких случая?

– Да вот, с сумасшествиями этими... Сама подумай – два человека друг за другом заселились в один и тот же дом и друг за другом сошли с ума. Разве это не странно? А Наташку, бедную, вообще убили... Задушили веревкой, представляешь? Во сне... Нет, это просто ужас! Ужас!

Чем дольше я слушала свою подругу, тем сильнее беспокоила меня мысль о некоем удивительном совпадении... Наследница богатого дома... дома, который при любых условиях должен оставаться в семье... предыдущие наследники сошли с ума... а нынешнюю, убиенную, наследницу зовут Наташей...

– Послушай, а у этой твоей подруги, Натальи, у нее какая фамилия?

– Скобелева, а что?

– А дом, который она получила в наследство, он находится на Речной?

– Да... а ты откуда знаешь? – удивленно воззрилась на меня подруга.

Что ж, дело становилось совершенно ясным. Точнее, окончательно запутывалось.

Подтвердившаяся догадка о том, что убитая подруга Лены и есть та самая особа, которую я собиралась не далее как сегодня начать отрабатывать, направила мои мысли одновременно по нескольким разным путям.

«Зеленский? – было первым и самым очевидным, что пришло в голову. – Вздор! Если бы он хотел убить эту девушку, то за каким дьяволом стал бы светиться, заказывая мне это расследование? Хотя мотив у него просто железобетонный. Какая-нибудь хитроумная комбинация? Заказал расследование, обеспечил себе алиби, нанял киллера да и сидит потихоньку, поджидает результатов...

А если не Зеленский? Тогда кто? Кому понадобилась жизнь нищей школьной учительницы, не имеющей ни родственников богатых, ни доходов астрономических? Мсть? Или неосведомленность? Увидели, что в большом доме живет, и решили, что денег куры не клюют? Ведь убили-то ее в доме...

Интересно, к кому бы перешел дом, если бы убили самого Зеленского? Остаются ли еще какие-то наследники после него? И если нет, то куда отходит дом? В пользу государства? Или в чью-нибудь еще пользу?»

И в завершение, как итог всех этих беспорядочных размышлений, в моей голове возник безнадежный и отчаянный вопль:

«Кто заплатит мне?!»

Многолетняя привычка профессионала заставила меня анализировать только что полученную информацию так, как будто бы само дело уже находилось у меня в разработке. Но реальное положение вещей было очень далеко от этого.

Реальное положение заключалось в том, что теперь, учитывая изменившиеся обстоятельства, я не только нового дела не получу, а и старого могу лишиться. А следовательно, и сопутствующего ему гонорара. Действительно, если ситуация разрешилась сама собой и доступу пана Зеленского к вожделенному наследству уже ничто не препятствует, зачем ему мои услуги? Навряд ли его чувство справедливости окажется настолько обостренным, что он станет добиваться доказательств виновности уже мертвой девушки.

В общем, положение мое было весьма пикантным. За отсутствием у погибшей Натальи Скобелевой близких родственников ее смерть никого, кроме подруг типа Ленки, не волнует, а эти подруги не в состоянии оплатить услуги частного детектива Татьяны Ивановой и апеллируют все больше к совести и сознательности.

Заставить же заплатить за новое расследование пана Зеленского – вообще нереально. Если он битых полчаса морщился и корчил рожи, прежде чем подписать соглашение на оплату расследования, выгодного ему, представляю его физиономию, когда он услышит, что ему пред-

лагается оплатить услуги по поиску убийцы человека, которого сам он хотел представить как убийцу. В особенности если к убийству девушки причастен он сам...

Все эти мысли одна за другой проносились в моей голове, между тем как Лена в ярких красках описывала тот самый коттедж, который и явился первопричиной всех этих интересных событий. Занятая своими мыслями, я пропустила начало и так и не поняла, набралась ли она впечатлений, побывав в гостях у своей подруги, или на нее повлияли рассказы последней, но глаза у нее снова восхищенно блестели, и опять она говорила про Европу.

– ...это знаешь, типа как умный дом. Может, слышала? Первый такой дом сделали, кажется, в Англии. Там не нужна ни домработница, ни прачка, никто. Все делает сам дом. Сам стирает, сам готовит, сам тебя спать укладывает. Конечно, все это дорого очень, электроникой начинено... Но у богатых свои причуды, и разработчики, видимо, надеялись, что такие дома будут иметь в определенной среде спрос. Ну вот. А эти, бывшие владельцы... то есть не те, которые с ума сошли, а тот, самый старший брат с семьей, который бизнесом занимался. Ну вот. Они были людьми богатыми и тоже захотели себе такой дом сделать. Но на весь дом у них не хватило, и они сделали так кухню. Впечатление – незабываемое! Представляешь, подходишь ты к холодильнику и даже кнопочку никакую не нажимаешь, а он тебе тут же приятным женским голосом докладывает, какие имеются внутри него продукты и какие блюда из этих продуктов может сию же минуту приготовить для тебя умная микроволновка...

Слушая эту болтовню, я вдруг поймала себя на несколько иронической, но в сущности верной мысли о том, что, может быть, пан Зеленский и не был так уж не прав, предполагая, что случаи сумасшествия произошли при некотором внешнем воздействии. Шутки шутками, но если бы со мной, например, с утречка да на больную голову заговорил приятным женским голосом холодильник... Не знаю, не знаю... А у меня, между прочим, душевнобольных в роду нет.

Впрочем, сейчас было неподходящее время для сарказма. Гораздо важнее было другое. Пан Зеленский, уже изначально произведший на меня отрицательное впечатление, сейчас, в свете новых данных, оказывался в положении еще более двусмысленном. Если выяснится, что он причастен к убийству, а я пропущу этот факт мимо своего внимания, я себе этого не прошу.

Конечно, делом займутся (или уже занялись) официальные следственные органы, конечно, они отработают и Зеленского как главного претендента на наследство. Но если он сам заказал расследование мне, то, разумеется, все очень хорошо продумал и учел, что после убийства девушки его персоной заинтересуются. Как знать, может быть, это заказанное мне расследование – не что иное, как часть заранее спланированного алиби. А значит, тылы себе он подготовил непробиваемые, и найти брешь в этих продуманных тылах под силу разве что такому гениальному частному сыщику, как Татьяна Иванова. Реальных фактов у меня почти наверняка не будет, а о предположениях мои коллеги во главе с подполковником Кирьяновым, разумеется, даже слышать не захотят. Следовательно, и отрабатывать эти предположения не будут.

В общем, все шло к тому, что хочется ли, нет ли, а заняться убийством учительницы истории Натальи Александровны Скобелевой мне все-таки придется. А если так, то главная задача на ближайшие полчаса – вытянуть как можно больше информации из ее и моей подруги, учительницы французского языка, увлеченно болтающей сейчас о разных европейских технических диковинах на моей – увы! – совершенно обычной кухне.

– Значит, электроника, говоришь?

– Ну да. Везде фотоэлементы, к мойке подойдешь – вода сама включается, если слишком горячо тебе или, наоборот, холодно, ничего не нажимаешь, никаких кранов не крутишь, просто говоришь – теплее или холоднее, представляешь?!

– Ну да. Только вот что меня удивляет. Ты ведь, кажется, сказала, что убили ее в доме?

– Да, в доме. В кровати прямо, когда спала... Ужас!

– Ну да. Только как же они проникли-то в дом, убийцы, если там все электроникой начинено и наверняка есть серьезные охранные системы, которые не на одну только кухню распространяются?

– Да в том-то и дело!!

– В чем?

– А в том, что ничего не взломано, ничего не вскрыто, а все охранные системы как работали, так и работают. Если бы не было так очевидно, что ее задушили, наверняка решили бы, что это самоубийство. В общем, это такое дело, такое дело... просто... головоломное. Поэтому я и хотела тебе...

Видя, что с языка Лены уже готова сорваться фраза типа: «А не заняться ли тебе расследованием этого головоломного дела, подруга?» – я поспешила ее перебить.

– А может быть, она в тот вечер была не одна? Пригласила к себе кого-нибудь? Друга какого-нибудь... Ты ведь говорила, кажется, что у нее был какой-то... Паша, что ли?

– Хм... – задумалась Лена. – А что, вполне возможно... – Но тут же тряхнула головой и заговорила совсем другим тоном: – Ой! Да что ты мне голову морочишь! Паша! Хе! Тоже мне, гангстер! Да он тихоня, еще хуже, чем Наташка. Та хоть иногда выскажется... и то, если уж что-то... ну совсем уж из ряда вон. А этот... Нет, Пашка даже если и был у нее, то... нет. Скорее, его там же рядышком задушенного бы нашли.

– Но тогда как же убийца проник в дом?

– Да не знаю я, Тань! Главное – она меня спрашивает! Кто из нас сыщик, ты или я? Поэтому я и хотела тебе...

Но я снова не позволила прозвучать ненужной фразе.

– А почему вообще ее убили, как ты думаешь? У нее были какие-нибудь враги?

– Здрасте! – возмущению моей француженки не было предела. – Я ей, значит, битый час уже рассказываю про наследство, а она – на тебе! Почему убили... А сама не догадываешься?

– Думаешь, из-за этого дома? – с большим трудом догадалась я.

– Ну а из-за чего же еще? Думаешь, мало сейчас такой коттедж стоит? Это же целое состояние!

– Но ведь ты сама говорила, что продать его нельзя? Майорат и все такое...

– Смейся, смейся... Ну и что, что продать нельзя? Его в аренду можно сдать, под офис, или гостиницу там устроить. Там знаешь какой домина!.. Это он раньше, при крепостном праве да при коммунистах, когда выделяться нельзя было, тогда да, тогда действительно... там и посмотреть не на что было. Так себе, сарай деревянный. А потом его перестраивали несколько раз, и теперь он знаешь какой... Да если просто часть его жильцам сдавать, и то всю жизнь безбедно прожить можно. Продать нельзя... нашла тоже... проблему.

В общем, моя подруга так же, как и я, склонялась к мысли, что девушку убили из-за наследства, и в этом не было ничего удивительного. Удивительным было поведение самого наследника и предполагаемого убийцы, то есть господина Зеленского. Лена не знала о его существовании, и убийца представлялся ей некоей гипотетической личностью, которая в своем стремлении овладеть вожаемым наследством не останавливается ни перед чем. Но я-то была знакома с Зеленским лично, и более того, знала даже о некоторых предварительных движениях, которые он предпринял еще до того, как девушку убили. Поэтому меня больше всего интересовал вопрос о том, были ли эти движения некой хитроумной комбинацией, направленной на то, чтобы замаскировать его причастность к убийству, или, обращаясь ко мне, он действовал без всякой задней мысли.

Впрочем, Лену я посвящать во все это не планировала. Ни к чему это. Высказаться по делу она все равно не сможет, а только разволнуется опять и наговорит с три короба всякой

эмоциональной ерунды. Гораздо полезнее будет побеседовать с ней на темы, в которых она может оказаться компетентной и по которым сумеет сообщить мне интересную информацию.

– Послушай, а вообще ты не замечала чего-нибудь странного, общаясь в последнее время с этой своей Наташей? Может быть, она нервничала или боялась чего-то? Не думаешь, что ей могли угрожать?

Надо было видеть ту серьезнейшую работу мысли, которая сразу отобразилась на лице моей подруги. Тщательно все обдумав и взвесив, она наконец-то вынесла резолюцию:

– Нет, не думаю. Не нервничала, общалась со всеми как обычно. Не думаю... нет.

– Что ж, значит происшедшее было для всех полной неожиданностью.

– Еще какой! Вот поэтому-то я и хотела тебе сказать, не возьмешься ли ты за поиски убийцы?

На этот раз я не успела опередить свою подругу, и она произнесла-таки роковую фразу. Приходилось что-то отвечать. Но так просто сдаваться я не собиралась.

– Но ведь расследованием наверняка уже занялась полиция...

– У-у-у! Полиция... это когда еще они... А ты у нас умница, работаешь оперативно. Ты его в минуту расколешь. А, Тань? Ну, сама подумай, кто еще сможет восстановить справедливость? Ведь Наташка – сирота, никого у нее нету... кто там, в этой полиции твоей, будет надрываться, чтобы ее обидчиков наказать?

Как я и предполагала, Лена давила на мои гражданские чувства, нимало не заботясь о том, что я, собственно, такая же посторонняя этой «сироте Наташке», как и «эта моя полиция». Я-то почему должна надрываться? И главное – бесплатно.

Впрочем, не желая обидеть свою подругу, я не стала затрагивать вопросы финансирования. Просто сказала, что сейчас занимаюсь одним делом и совсем не имею времени, а как только закончу...

– А когда ты закончишь? – немедленно поинтересовалась Лена.

– Да вот буквально... дня три-четыре еще... Мне там совсем немного осталось. А тогда уж...

– Ну ты давай, не тяни. Убийца, он ведь тоже ждать не будет. Заметет следы, ищи потом его, свищи.

Снабдив меня этим ободряющим напутствием и пообещав через неделю позвонить, подруга допила последний глоток кофе и удалилась.

Она ушла, а я осталась, причем осталась в положении таком неопределенном и двусмысленном, в какое давно уже не попадала.

«Шустрая, прямо как мотоцикл, – с досадой думала я, злясь почему-то на Ленку, которая в общем-то меньше всего была здесь виновата. – Пришла, значит, озадачила и убралась восвояси! Сейчас идет, наверное, и с чувством выполненного долга думает, какая она молодец – позаботилась об убитой подруге. А вот о моем гонораре, интересно, кто позаботится? И, главное, указывает еще... Тяни, не тяни... как будто я в бирюльки здесь играю. Черт бы их всех побрал!»

Я уже знала, что мне предстоит сейчас сделать, но поскольку это самое «делание», на мой взгляд, заранее было обречено на провал, то и сама я заранее же злилась и досадовала.

Из двух человек, которым небезразлична была судьба Натальи Скобелевой, а именно Ленки-франуженки, преисполненной сострадания, и пана Зеленского, преисполненного корысти, материальными средствами обладал только Зеленский. Следовательно, именно его мне сейчас предстояло склонить к тому, чтобы он оплатил расследование убийства девушки. Проблема была в том, что все обстоятельства дела и личность самого Зеленского, – все говорило о том, что достижение поставленной цели невозможно в принципе.

Если Зеленский непричастен к убийству, то он будет расценивать происшедшее как неожиданный удачный случай, убравший с его пути все препятствия для получения

наследства. О существовании Натальи Скобелевой он завтра же просто забудет и, разумеется, ни копейки не даст на то, чтобы начать поиск никому не интересного убийцы никому не интересной школьной учительницы.

Если же Зеленский к убийству причастен, тогда тем более ему нет смысла оплачивать расследование, которое в результате может вывести на него как на главного обвиняемого.

И хуже всего было то, что в сложившейся ситуации я даже не могла пойти на принцип и провести расследование, так сказать, за свой счет. Денег у меня просто не было. От Зеленского я получила только аванс, и большая часть его была уже потрачена. А до встречи с Зеленским я вообще сидела на мели, следовательно, и резервов никаких в своем распоряжении не имела.

Положение было безвыходным.

Проходив весь вечер из угла в угол и так и не найдя альтернативных вариантов, на следующее утро я позвонила своему клиенту и договорилась с ним о встрече, сообщив, что у меня есть новая информация.

«Выйдет ли, нет ли, а попытаться надо, – собирая остатки оптимизма, думала я. – В конце концов, если ничего не делать, а просто сидеть и переживать, уж точно ничего не выйдет».

Тому, что мой оптимизм улетучился не полностью, а оставил после себя некие остатки, была своя причина. Очень маленький, почти незаметный нюанс, который все же давал мне какую-то надежду на успех.

Я подозревала, что пан Зеленский с присущим ему высокомерием и привычкой считать всех окружающих низшими по сравнению с собой существами, был не очень-то высокого мнения о моих мыслительных способностях. То, как он излагал мне информацию по своему делу, говорило о том, что он ловил «на дурачка». Строго говоря, в истории, которую он рассказал мне, не было даже намека на какой-либо состав преступления, и он не мог этого не понимать.

Но, несмотря на это, я за дело взялась и не исключаю, что из этого он сделал вывод о том, что я либо новичок, либо просто некомпетентна в каких-то вопросах. Сама я, разумеется, не стала сообщать, что единственным движущим мной мотивом было вопиющее безденежье, следовательно, ничто не мешало клиенту трактовать мой поступок так, как ему приятнее.

А если так, если Зеленский думает, что девушка я недалекая, то почему бы мне не сыграть на этом? Ведь независимо от того, причастен ли он к убийству Натальи Скобелевой или нет, сам он будет утверждать, что непричастен, а я, в свою очередь, как девушка недалекая и доверчивая, конечно же, этому сразу поверю. Вот из этого мы и будем исходить.

Мой уважаемый клиент к убийству непричастен, а между тем полиция выводит его в главные подозреваемые как единственного наследника имущества, оставшегося после Натальи. Можно ли сомневаться в том, что основной его интерес сейчас – это как можно быстрее найти настоящего убийцу и снять с себя подозрения?

Это был крючок, на который я собиралась поймать Зеленского, впрочем, я понимала и то, что при желании он сможет возразить мне и найти контраргументы ему будет не так уж сложно. Но это – единственный шанс, который был у меня, чтобы получить деньги на расследование, и я не собиралась его упускать.

– То есть невероятно, – презрительно фыркнув, отрезал Зеленский, едва я заикнулась о его возможной причастности к убийству.

Как всегда, он очень четко проговаривал каждую букву и по старой польской привычке употреблял «то» вместо «это».

– Но ведь вы – главный претендент на наследство, и полиция...

– Да, я – главный претендент. И, конечно, я получу то, что мне полагается. А полиция пускай ищет убийц. Я здесь ни при чем.

– Но это необходимо будет доказать, а между тем...

– Пускай доказывают.

– Боюсь, мы не совсем понимаем друг друга. В полиции никто не будет заинтересован в том, чтобы доказать именно вашу невиновность. Они работают с подозреваемыми, а наиболее вероятный и, так сказать, естественный подозреваемый по этому делу – вы. И мотив у вас был, и возможность... Так что, скорее всего, не полиции придется доказывать кому-то вашу невиновность, а вам необходимо будет доказать свою непричастность следственным органам. А иначе ситуация может обернуться для вас очень неприятно. Я не исключаю даже, что вас могут задержать как главного подозреваемого до выяснения обстоятельств, и вам придется провести в камере, возможно, очень длительное время. Ведь неизвестно, как пойдет расследование. А что, если поиски убийцы затянутся?

Наконец-то на деревянном лице моего собеседника промелькнуло что-то похожее на человеческие эмоции. Похоже, перспектива попасть в кутузку его не очень привлекала. Но, конечно, так просто он не сдался.

– Они не имеют права, – задрал подбородок к самому потолку, произнес он.

– Очень даже имеют. Особенно если узнают, что вы питали неприязнь к потерпевшей... А ведь вы питали к ней неприязнь, и даже такую сильную, что заказали частное расследование с целью обвинить ее в преднамеренном нанесении вреда... Если меня вызовут на допрос, я не смогу скрыть эту информацию от следствия.

Согласна, это был запрещенный прием, но что мне оставалось делать? Однако эффект, вызванный моими словами, несколько отличался от того, которого я ожидала. Вместо того чтобы испугаться, Зеленский усугубил презрительное выражение своей физиономии и язвительно поинтересовался:

– То и есть конфиденциальность, которую вы обещали?

Теперь уже выкручиваться пришлось мне. Что я и сделала.

– Вы, наверное, не поняли меня. Разумеется, я не побегу сейчас в полицию и не стану докладывать, что вот такой-то господин заказал мне такое-то расследование. Но я собирала для вас информацию, беседовала со многими людьми, с которыми рано или поздно придется побеседовать и следователям. Нет ничего невероятного в том, что эти люди запомнили меня и расскажут о наших встречах. И если следователи посчитают необходимым вызвать меня и задать мне тот или иной конкретный вопрос, мне, разумеется, придется на него ответить.

Теперь сквозь презрение на лице моего клиента явственно просвечивала досада. Я поняла, что, заказывая мне расследование, он предполагал, что все будет шито-крыто, и ему не приходило в голову, что, кроме меня, обещавшей ему конфиденциальность, к процессу окажутся подключены многие люди, которые таких обещаний не давали.

Но и за всем тем крепость не пала.

– Пускай они узнают, – немного подумав, сказал Зеленский. – Тогда они узнают, что я заказал расследование, а не убийство. Вот все и выяснится.

– Выяснится, что вы выдвигали против девушки весьма странные и неправдоподобные обвинения, выяснится, что все эти случаи обострения болезни, о которых вы говорили, могли произойти от естественных причин, выяснится, что вы так ненавидели бедную девочку (или так хотели заполучить наследство), что готовы были платить весьма немаленькие деньги, чтобы найти хоть что-то, компрометирующее ее.

– Какой вздор! Для чего вы мне говорите все то?

– Для того чтобы вы поняли наконец, что как можно быстрее найти настоящего убийцу – в ваших интересах.

– Пускай ищут.

– Да они-то будут искать. Только вы в это время, скорее всего, уже будете находиться в камере предварительного заключения. Для верности. Чтобы не потерялись, если окажется, что убийца все-таки вы.

– То есть невероятно.

Чем дольше продолжался наш разговор, тем больше я сомневалась, что мне удастся пробить эту стену. В очередной раз я начинала свою сказку про белого бычка и снова и снова натывалась на тупое и непрошибаемое упрямство.

«Вот погоди, попадешь ты к Кире в оборот, – начиная злиться, думала я. – Там-то цацкаться с тобой не будут».

Но как бы я ни злилась, а перспектива финансирования нового расследования уходила все дальше за горизонт. Едва только я пыталась заговорить о том, чтобы продолжить расследование, несколько изменив его первоначальную цель, как тут же слышала язвительное: «А! Так вам просто нужны деньги!» – и все начиналось по новой.

Разумеется, продолжаться бесконечно наш разговор не мог. Я поняла, что аргументы мои недостаточны и что Зеленский не считает свое положение в чем-то ненадежным, а следовательно, и не видит необходимости предпринимать какие-то шаги для его укрепления.

При всей досаде, которую я испытывала, я не могла не отметить то, как держится мой собеседник. Впрочем, если он действительно невиновен и просто не понимает, что ему грозит, это спокойствие еще можно как-то объяснить, но если он причастен к убийству, то приходится признать – выдержка у него просто феноменальная.

Глава 2

Разговор наш так и закончился ничем. Зеленский согласился оставить мне выданный аванс, но больше не дал ни копейки. Расследование больше не интересует его – с какой стати он будет платить?

Но о себе я того же сказать не могла. Вопрос о том, кто же на самом деле задушил Наталью Скобелеву, интересовал меня тем сильнее, что сегодняшний разговор еще больше увеличил мою неприязнь к упрямому поляку. В таком заведенном состоянии я даже готова была пойти на принцип и провести расследование на собственные средства. Проблема была в том, что у меня их не было.

«Предположим, что-то я смогу предпринять, не нанося ощутимого урона бюджету, – выходя от Зеленского и садясь в машину, думала я. – Съездить, посмотреть, расспросить... с Кирей поговорить, наконец. Но если понадобятся какие-то специальные действия... аппаратура... или путешествия в другие города... Да, такие расходы я уже не осилю. И потом, съездить посмотреть – это тоже, знаете ли... раз съездишь, другой, глядь – уже и бензин кончился. А заправлять – снова расходы. Особенно не наездишься. Да и пить-есть надо... хотя бы иногда».

Перспективы были отнюдь не радужные. В самом унылом настроении поднималась я к себе в квартиру, не предвидя в будущем ничего, кроме бесплодных ожиданий звонков от новых клиентов и режима строжайшей экономии.

Но, видимо, где-то там, на небесах, ангел-хранитель невинно убиенной девушки не дремал, и на следующий день свершилось чудо. Зеленский позвонил сам.

Это произошло после обеда, около часа дня. В квартире раздался телефонный звонок, и я, к своему невероятному удивлению, снова услышала неприятный каркающий голос своего утерянного было клиента.

– Нам необходимо встретиться, – не тратя время на ненужные предисловия, сообщил мне Станислав Брониславович. – Я думаю, что необходимо расследование.

Загадка объяснилась очень быстро. Оказывается, утром его вызывали на допрос в прокуратуру и отпустили только под подписку о невыезде. Эта сравнительно мягкая мера имела свое объяснение.

Как выяснилось, на момент убийства девушки Зеленский был в отъезде, и это, по его мнению, гарантировало ему стопроцентное алиби. Поэтому и во время вчерашнего разговора со мной он держался с таким апломбом.

Впрочем, стоило бросить лишь один взгляд на спесивого пана, чтобы понять, что мараить свои собственные белые рученьки в таком грязном деле, как убийство, он не захочет. А если он выступал в этом деле в качестве заказчика, то его отсутствие в городе на момент преступления – это свидетельство скорее против него, а не за. Думаю, приблизительно так рассуждали и следователи, которые его допрашивали. Поэтому и взяли подписку.

Но на самого Зеленского посещение прокуратуры произвело впечатление неизгладимое. Как по волшебству бесследно улетучился куда-то весь гонор, голос то и дело подрагивал, он путался в словах и даже забывал при каждой новой фразе задрать к потолку свой польский нос.

Разумеется, я не преминула воспользоваться таким замешательством господина Зеленского, чтобы немного вознаградить себя за вчерашнее фиаско.

Во-первых, я со всей доходчивостью постаралась объяснить ему, что, взяв с него всего лишь подписку о невыезде, следователи проявили просто из ряда вон выходящую мягкость. Во-вторых, учитывая сложность нового дела, я настояла на том, чтобы мой новый аванс был

в два раза больше предыдущего. Ну и в-третьих, я постаралась вытянуть из него как можно больше информации относительно этого наследства и всего, что с ним связано.

Совершенно растерявшийся в этой ситуации пан, полностью уверенный, что только чудом избежал кутузки, послушно отвечал на все мои вопросы, кажется, абсолютно позабыв про свои заносчивые интонации и язвительные комментарии.

Когда наша беседа закончилась и он убрался восвояси, я уже имела перед собой довольно ясную картину происшедшего и вполне отчетливо представляла, что мне нужно будет сделать в ближайшее время.

Очевидно, что первым делом нужно было выяснить, что по этому поводу думают официальные органы, то есть позвонить Кире, а также необходимо было посетить этот загадочный «умный дом», о котором я слышала уже столько разных историй. К тому же именно дом и являлся местом преступления, поэтому попасть туда было просто необходимо.

День уже заканчивался, по крайней мере рабочий день, и я подумала было, что сейчас самое время позвонить бравому подполковнику, но потом отказалась от этого решения. К Кире я могу явиться практически в любое время, а вот попасть в дом, боюсь, будет не так-то просто.

Если верить всему, что я слышала об этом уникальном здании, зайти в него, просто взломав замок, – дело немыслимое. С другой стороны, ребята Кири наверняка уже осмотрели дом и имеют достаточно внятное представление о его особенностях. Например, об охранных системах. Ведь убийство произошло в доме, и, значит, они должны были тщательнейшим образом изучить все возможности для проникновения в здание посторонних. Если этот убийца был посторонним.

Ну и, наконец, с третьей стороны, я смогу гораздо более предметно беседовать с товарищем подполковником об этих самых охранных системах, если предварительно сама ознакомлюсь с этим домом. Хотя бы поверхностно.

То, что день заканчивался, в этом случае было мне на руку. В сумерках гораздо легче соблюдать конспирацию. Дом наверняка огорожен, и разгуливая вокруг него среди бела дня, я неминуемо привлекла бы чье-нибудь ненужное мне внимание. А сейчас... спрячусь где-нибудь за кустиком, на цыпочки встану, за заборчик загляну да и отправлюсь восвояси.

Адрес был мне известен, и, не тратя понапрасну драгоценного времени, я поехала на улицу Речную.

Коттеджный поселок на Речной был одним из наиболее престижных жилых массивов нашего города. Точнее, загорода. Здесь совершенно не чувствовалась та экономия места, которая иногда просто режет глаз в поселках такого типа, когда в стремлении извлечь максимум дохода от продажи земли ее нарезают на малюсенькие участки, и кажется, что возведенные на них коттеджи превышают площадью сами участки.

Здесь все было наоборот. Дома располагались очень свободно, вокруг было очень много разросшихся старых деревьев, и казалось, что это не населенный пункт, а несколько домиков, стоящих посреди леса.

Такой ландшафт был мне только на руку. Оставив машину в сторонке, я нашла нужную мне улицу и, стараясь не привлекать внимания, отправилась к дому номер девять пешком.

Во время этого небольшого путешествия я могла убедиться, что впечатление лесной глуши – весьма поверхностное и обманчивое. При ближайшем рассмотрении стало совершенно очевидно, что жители этого благословенного места пользуются всеми самыми последними достижениями цивилизации.

Практически на каждом доме висела «тарелка», на многих оградах были заметны видеокамеры и разные подозрительные провода, ясно говорящие о том, что жители поселка заботятся о своей безопасности.

«Умный дом» в этом плане ничуть не уступал домам соседним. Какой же наивной я была, думая, что смогу заглянуть за этот забор, встав на цыпочки!

Непрошибаемая кирпичная стена, высотой как минимум два с половиной метра, завершавшаяся торчащими по всему периметру заостренными кольями из арматуры, – вот картина, представшая моему взору. Не то что встав на цыпочки, а даже имея специальное снаряжение, мне не так-то просто было бы заглянуть во двор.

«Как же пролез сюда убийца? – медленно обходя забор и осторожно осматриваясь, думала я. – Даже простое механическое попадание внутрь весьма затруднительно, а ведь основное препятствие не в этом. Если верить восторженным отзывам Ленки, дом должен быть начинен электроникой и, уж конечно, не только на высоту забора надеялись хозяева, оберегая свое добро».

Между тем я дошла до въездных ворот, но и тут не увидела ни малейшей возможности для посторонних проникновений. По высоте ворота лишь немного не достигали уровня забора, а сделаны были из настолько качественного железа, что взять их можно было только штурмом. К тому же для злоумышленников путь через ворота был бы неудобен еще и потому, что площадка перед ними была открытой и просматривалась со всех сторон.

Нет, если уж нашелся такой безумец, который собрался лезть в дом, то, скорее всего, он выбрал путь через забор. Там и тенек, и деревца...

Тут меня осенила весьма удачная мысль. Некоторые деревья росли довольно близко к ограде. Если я не могу заглянуть внутрь, встав на цыпочки, кто мешает мне сделать то же самое, взобравшись на дерево?

Сказано – сделано.

Не прошло и пяти минут, как я оказалась в кроне высоченного ветвистого вяза, с которого обзор внутренней площадки перед домом был просто идеальным. Впрочем, обозревать я могла действительно только площадку. С вяза было видно, что позади дома усадьба не заканчивается, а простирается дальше, но тот сектор полностью заслонял собой коттедж.

«Хм, помнится, Ленка говорила, что большую часть земли хозяева вынуждены были отдать под национализацию во времена большевиков. Если то, что осталось, – это меньшая часть, то какова же была усадьба в своем первоначальном объеме? Величиной с какую-нибудь Испанию?»

Впрочем, рассуждать о пустяках было некогда. Я наконец-то нашла подходящий плацдарм для обзора и сейчас необходимо было извлечь с помощью этого обзора максимум информации.

Для начала я обратила свое внимание на сам дом и постаралась запомнить его расположение и архитектурные особенности. Это оказалось не так-то просто.

Мансарды и мезонины перемежались мансардочками и мезонинчиками, маленькие, почти игрушечные балкончики – просторными террасами, и от всего этого нагромождения архитектурных элементов поначалу так рябило в глазах, что не было ни малейшей возможности запомнить архитектуру дома.

Но постепенно, внимательно и прилежно вглядываясь, я начала улавливать логику этой причудливой постройки и даже обнаружила, что во всем этом есть некий стиль. Правда, стиль довольно своеобразный, но... кто платит деньги, тот и заказывает музыку.

«Люди богатые, но недалекие», – как-то само собой сложилось в голове.

Очевидно, архитектор сделал все возможное, чтобы придать запросам своих нанимателей более-менее приличный вид, но все равно немногого добился. Стараясь запомнить расположение всех этих пристроек и надстроек, я вдруг вспомнила гоголевскую Коробочку со всеми ее мешочками, сумочками и баночками, в которых хранились разные ценные вещи типа распоротых панталон.

Вот и здесь... коробочки, коробочки. К одним коробочкам побольше прилеплены другие – поменьше и каждая коробочка имеет свою отдельную крышу, так что с высоты птичьего полета дом, наверное, напоминает выводок опят на пеньке.

Кстати, о крышах. Думаю, если и есть в этом здании такая щель, через которую сторонний человек может проникнуть внутрь, то эта щель должна располагаться именно на крыше.

Действительно, если предположить, что убийца – это не бесплотный дух, а обычный человек, то проходить сквозь стены он, скорее всего, не умеет. Двери и окна наверняка подключены к сигнализации. А вот крыша...

Мне были известны основные схемы расположения сигнализации в частных домах и было известно также, что слуховые окна и чердачные проходы в этих схемах учитываются далеко не всегда. Впрочем, не будет ничего удивительного, если окажется, что в таком навороченном строении существуют и другие системы контроля, кроме обычной сигнализации, но не будем забегать вперед.

Внимательно осматривая крышу, я все больше убеждалась, что она – довольно удобный плацдарм для передвижений. В связи с многочисленностью пристроек крыша представляла собой дробленую поверхность, каждая грань которой была довольно покатой и сводила к минимуму возможность неожиданно свалиться вниз. То там, то сям виднелись небольшие окошки, некоторые из которых явно играли только декоративную роль. Если предположить, что хотя бы к нескольким из таких окошек сигнализация не подведена...

Впрочем, пока я, сидя на дереве, предавалась размышлениям и сомнениям, в глубинах моего подсознания план уже созрел. Поскольку старой хозяйки «умного дома» уже нет в живых, а новый хозяин в права наследства еще не вступил, дом наверняка стоит пустой. Поэтому, если тщательно продумать пути отхода, точнее, быстрого отхода, то не будет ничего страшного, если в каком-нибудь из чердачных окон сигнализация окажется в наличии. Когда еще там все переполюсится... А я между тем...

Впрочем, это пессимистический вариант. Но ведь существует еще оптимистический. Я проберусь на крышу, внимательно изучу ее вдоль и поперек и, вполне возможно, обнаружу безопасную лазейку.

Но тут я поняла, что пробраться на крышу – дело не такое уж легкое, как кажется. Несмотря на, так сказать, многоступенчатость этой самой крыши, самая низкая ее «ступенька» находилась на высоте не менее четырех метров над землей, и, чтобы забраться на нее, необходимо было преодолеть четыре метра совершенно вертикальной, гладкой, как лысина, поверхности.

Но самым неприятным было даже не это. Чтобы попасть на крышу со стены, а следовательно, с площадки возле дома, на эту площадку еще нужно было попасть. А вот тут-то и была загвоздка. Взобравшись на дерево, я могла видеть внутреннюю часть забора и на этой части обнаружила очень неприятный для себя сюрприз.

Еще когда я подходила к дому, то отметила про себя отсутствие на ограждении видеокамер. С дерева я могла заметить, что их нет и на доме. Это немного удивило меня. Коттедж был огромным и даже внешне выглядел так, что не оставалось никакого сомнения, что это – богатый дом богатых людей. Но почему же они не позаботились о том, чтобы установить видеонаблюдение?

Но возникнув, эта мысль почти сразу покинула меня, поскольку в тот момент внимание было занято другим. Теперь же, увидев внутреннюю часть забора, я снова вспомнила о ней.

По всему верхнему периметру ограды шел сплошной ряд острых железных кольев высотой приблизительно полметра. Перелезть через забор, не задев эти колья, было практически невозможно. Кирпичная же часть забора представляла собой большие квадратные столбы, соединенные более тонкими пролетами в один кирпич. И то, что я увидела на этих столбах, сразу поставило под сомнение всю мою затею.

От каждого из железных прутьев, расположенных над серединой каждого из столбов, шел изолированный провод, который соединялся с укрепленным на столбе датчиком. Принцип действия системы был мне непонятен, но ее предназначение не вызывало сомнений. Очевидно, что датчики фиксировали каждое прикосновение к прутьям верхней решетки и передавали сигналы на некий пункт наблюдения. Этот пункт мог находиться в доме или вне его. Или датчики могли быть соединены с общей системой сигнализации...

Короче, вариантов было множество и главное заключалось не в том, каким образом работает система, а в том, что наличие этой системы делает абсолютно невозможным незаметное проникновение в дом через ограду. Датчики могли реагировать на что угодно. На тепловое воздействие, на механическое, на влажность, на давление... А возможно, и на все сразу.

«Черт бы вас побрал всех с вашими умными домами, – скрючившись на дереве, со злостью думала я. – Окопались здесь... как будто к осаде готовились. И как ведь спрятали, сволочи, эти свои проволоки, – с улицы и не догадаться».

Досада моя была велика, но общее положение вещей я для себя уже уяснила и дальнейшее пребывание на дереве не имело смысла. Еще раз бросив взгляд на коттедж, на забор и на расположенные за этим забором деревья, я спустилась вниз и поехала домой.

В этот день я планировала еще побеседовать с Кирей, но когда я вернулась, был уже поздний вечер да и настроение у меня было не самым лучшим, так что беседу я решила отложить на завтра.

Размышляя над увиденным и тщетно пытаясь придумать способ проникновения в дом, я никак не могла отделаться от одной навязчивой мысли. Все известные мне на данный момент факты – и устройство охранной системы на заборе, и неприступность самого коттеджа, и расположение его, напоминающее бесконечный лабиринт, – все говорило о том, что убийца был хорошо знаком со всеми особенностями «умного дома».

Действительно, ведь если верить Ленке, даже замок не был взломан. А ведь убийца не только должен был попасть внутрь дома. Ему еще предстояло среди лабиринта комнат отыскать спальню, и не какую-нибудь, а именно ту, в которой спит девушка. И сделать все это нужно было быстро, бесшумно и не попадая в поле зрения камер.

Впрочем... Ведь та же Ленка, помнится, говорила, что львиная доля электроники располагается на кухне, а не в спальнях и гостиных. Но ведь и это нужно было знать тому, кто решил проникнуть в дом.

Нет, как ни крути, а все указывает на то, что убийца – кто-то из своих.

Зеленский не шел у меня из головы. Правда, из наших с ним разговоров я вынесла впечатление, что сам он ни разу не бывал в доме. Но разве это такая уж проблема? Ведь собственноручно он, скорее всего, и не убивал. Кстати, не помешает проверить, насколько факт его отсутствия в городе соответствует действительности.

Если Зеленский знал, что он является потенциальным наследником некоторого состояния, и знал это давно, что могло помешать ему загодя позаботиться о некоторых деталях? Ведь не всегда же жили в этом доме одинокие старики с геном неизлечимой болезни. Те люди, которые сделали этот дом, точнее, его кухню «умной», – ведь это была целая семья, наверняка они имели прислугу, к ним приезжали знакомые...

Конечно, прислуга в таком богатом доме навряд ли влачила нищенское существование, но кто же откажется от дополнительного дохода? Особенно если мотивировать это какими-нибудь благородными целями. Тут главное, хорошую фантазию иметь да силу убеждения. Да и шантаж, например... тоже неплохой способ получения сведений.

Впрочем, кажется, я и сама уже чересчур расфантажировалась. Пока все это только догадки, мне катастрофически не хватает информации, а чтобы восполнить этот пробел, необходимо поговорить с Кирей, а главное – пробраться в дом.

С этой мыслью я и заснула.

На следующее утро, проснувшись в хорошем настроении, я первым делом позвонила своему подполковнику.

– Владимир Сергеевич? Очень рада вас слышать. Татьяна Александровна беспокоит.

– Привет, Танюш. – Голос Кири звучал удивленно. – Какими судьбами?

– Да так, решила проведать старого знакомого... А что, я не вовремя?

– Да нет... нет, не то чтобы не вовремя, а... просто, насколько я тебя знаю, ты никогда просто так не звонишь, а сейчас вроде бы ничего из ряда вон выходящего не случилось... Никаких громких убийств, похищений или ограблений. Так вот я и удивляюсь, с чего бы это вдруг ты решила меня «проведать»... может, у тебя самой что случилось? Проблемы какие-нибудь?

– Не дожدهшься. А звоню я действительно по делу. И именно насчет убийства.

– Серьезно? Неужели ты снова всех опередила и вышла на какое-нибудь происшествие, которое еще не известно официальным органам?

– Почему же... по моим сведениям, официальные органы в курсе дела. Девушка в коттедже на Речной. Неужели вам, товарищ начальник, еще не доложили?

– Ах это... Но ведь это... Погоди-ка, а почему этот случай тебя заинтересовал? Неужели кто-то заказал расследование? Ведь у жертвы, если мне не изменяет память, родственников не осталось?

– Память тебя не подводит. Но ведь не всегда расследование заказывают родственники. Разные бывают варианты...

– Правда? Что, какой-нибудь богатенький папик? Вот уж действительно я бы удивился...

– Кирия, ты же знаешь, имя клиента – это информация закрытая. Ты мне расскажи лучше, что у тебя есть по этому делу.

– Да что там есть, ничего особенного. Задушена во сне, предположительно чем-то вроде изолированной проволоки, отпечатков нет, следов взлома нет да и мотивов, похоже, нет. Скорее всего – рядовое ограбление. Думаю, увидели, что девушка живет в богатом доме, решили, что и сама она богатая и по всем ящикам наличка да столовое серебро разложены... Ан не угадали...

– И что, ничего не взято?

– Да там и нечего было брать. Домина крутой, конечно, но ведь стены с собой не унесешь, а из движимого, что было поценнее, предыдущие хозяева давно уже распродали. Там одна только семья богатая жила, да те все умерли, а потом дом переходил по наследству то одним, то другим, и эти уже не присовокупляли, а наоборот, больше расточали...

У меня так и чесался язык спросить про Зеленского и версию с наследством, но тогда Кирия сразу догадался бы, кто мой клиент, а это в мои планы пока не входило. Поэтому спросила я о другом.

– Так, значит, думаешь – ограбление?

– Скорее всего.

– Но если домина, как ты выражаешься, такой крутой, то как же воры проникли туда? Ведь сам ты только что сказал, что следов взлома нет.

– Да, это вопрос интересный. Но возможно, объяснение тут самое простое. Видишь ли, в этом доме полно всякой мудреной электроники и очень навороченная сигнализация. Ко всей этой системе нужно еще приноровиться, а человеку непривычному, скорее всего, проще будет и вовсе ее отключить. Ведь сейчас охранять в доме почти нечего, сойдут и замки на дверях – тоже, кстати сказать, сделанные по спецзаказу и весьма надежные. Ну вот, а если сигнализация дома в целом отключена, то проникнуть в него человеку сообразительному в принципе возможно.

Я снова едва удержалась от вопроса, который меня очень живо интересовал, и опять меня остановило то, что, если я сейчас спрошу, каким образом может проникнуть в дом сообразительный человек, Киря сразу догадается, что этот человек – я.

– ...а у опытного домушника сообразительность такого рода, сама знаешь, развита так, что дальше некуда, – продолжал мой приятель.

– Так что же, вы сейчас отработываете именно версию ограбления?

– Вы, Татьяна Александровна, как человек, имеющий некоторый опыт работы в прокуратуре, должны бы, кажется, знать, что мы отработываем все возможные версии...

– Но вы, Владимир Сергеевич, упомянули только об одной, поэтому я подумала...

– Я упомянул о наиболее вероятной версии, но не утверждал, что она единственная.

– Тогда, может быть, вы снизойдете до нас и поделитесь остальными?

– А может быть, это вы снизойдете и объясните, наконец, чего ради вы тратите свое драгоценное время на никому не нужную школьную учительницу?

– Мне заказали расследование, я его провожу.

– Ну да, что это я в самом деле... Знаю же, что из тебя и клещами ничего не вытянешь, а спрашиваю... Но я не такой, как ты, я всегда информацией делюсь. Поэтому могу сообщить, что, кроме ограбления, мы рассматриваем еще версию с наследниками, а также не исключаем причастность к убийству некоего молодого человека, с которым потерпевшая поддерживала близкие отношения. Это случайно не он заказал тебе расследование?

– Погоди-ка... ты говоришь – наследники... После нее что, осталось наследство? Украсть было нечего, а наследовать есть чего?

– Наследство – это тот самый дом, в котором ее убили. Она и сама получила его как наследство, и после нее есть люди, к которым он должен перейти.

– Но ведь ты говорил, что у нее нет родственников?

– Да, но... в общем, там какая-то запутанная история, я, честно говоря, не вникал. Близких родственников у девушки действительно нет, но есть какой-то дядя, не дядя – седьмая вода на киселе, и по закону дом должен достаться ему. Дядю мы тоже взяли на заметку, но, честно говоря, у меня все ребята так загружены, что им не до дяди. Сейчас, не знаю, сезон, что ли, наступил, но все прямо как с цепи сорвались – что ни день, то либо грабеж, либо убийство. Дела открываем, а кому работать по ним – неизвестно. Да и дела-то все такие... и не открыть нельзя, и откроешь... только отчетность портить. Украдено на грош, а чтоб докопаться, работать надо месяц всем отделом. А когда это бывало, чтобы у нас несколько человек одним делом занимались? У нас, сама знаешь, все прямо противоположно – несколько дел на одного. А учитывая, что шансы на раскрываемость по большинству из них заранее грустно предсказуемы, то...

– В общем, если я тебя правильно поняла, форсировать расследование по убийству ты не собираешься.

– Некем форсировать, Тань, даже если бы и очень хотелось. Говорю же: люди перегружены. Так что, если ты со своей стороны чем-нибудь поделишься – версию подкинешь или, еще лучше, преступника за рога приведешь, – мы не откажемся.

– Еще бы! Когда это вы отказывались? Ну а на месте преступления ребята твои ничего интересного не находили?

– Увы! Все чисто и пусто.

– А кто сообщил об убийстве?

– Прислуга.

Вот как! Значит, была еще и прислуга? Что ж, это уже становится интересным.

– ...то есть она не прислуга, а как бы... в общем, она работала у бывших хозяев и пришла узнать, не захочет ли новая хозяйка воспользоваться ее услугами. Ну вот, она пришла, стала звонить в дверь, а никто не открыл. Поскольку о встрече они договаривались заранее, то женщина забеспокоилась и вызвала полицию. Полицейские перелезли через забор (это оказалось

проще, чем взломать дверь), потом выбили окно и проникли внутрь дома. Там, немного поплутав, обнаружили девушку.

«...выбили окно...» – вот она, нить Ариадны!

– Так что же, дом теперь так и стоит с выбитым окном? – с трудом скрывая свою радость, спросила я.

– Да, но там включена сигнализация, а она, как я тебе уже говорил, очень навороченная и «пробивает», так сказать, несколько уровней.

– В смысле?

– Ой, Татьян, долго объяснять... да и не вникал я.

– Нет, ты уж объясни.

– Ну, там, во-первых, по всему периметру забора идет какая-то система, мои ребята даже сами не разобрались какая, но факт тот, что любое проникновение внутрь фиксируется, и информация о нем передается на пост охраны. Причем абсолютно незаметно для проникнувшего. Потом есть еще обычная сигнализация, ну, из тех, какие на магазины ставят, знаешь...

– Да знаю, знаю. И что же, окно разбили, а сигнализация не сработала?

– Почему не сработала? Все сработало. Просто они сразу отключили ее, ведь полиция сама там была, зачем еще сигнализация.

– А как же они снова включили ее, при разбитом-то окне?

– Да никак. Воровать там, я уже сказал тебе, нечего, и, кроме того, там один забор чего стоит. Хватит и этого. Ребята окно фанеркой закрыли для красоты, а сигнализацию не стали подключать. С забора сигнал тоже на пост идет, так что, если будут попытки проникновения, – не волнуйся, обнаружат. Впрочем, про окно – это я тебе по секрету сказал, имей в виду.

– Конечно, конечно. И под пытками никому не выдам твой секрет. Насчет сигнализации это все? Или есть еще что-нибудь интересненькое?

– Еще внутри дома есть что-то. Правда, что именно, я так и не понял, это какая-то локальная система, она сигналы никуда не передает, но преграждает доступ в отдельные интересные места, например какие-либо комнаты или шкафчики... в общем, что-то в этом роде.

– Да, у богатых свои причуды.

– И не говори. Мне ребята про этот дом таких чудес нарасказывали – просто тысяча и одна ночь. Будет время, как-нибудь поделюсь. А сейчас извини, заболтался я с тобой, нужно и поработать немного.

– Что ж, спасибо и на том. Конечно, обилием информации ты меня в этот раз не поразил, но я человек не привередливый. Кстати, адресок этой... прислуги... не подскажешь?

– Адресок?.. Сейчас, погоди... кажется, где-то был... еще вчера вечером с протоколами работал... Да, вот он. Записывай, Крайняя, сто девятнадцать.

– Это где такое?

– А там же. Этот поселок, он ведь старый. Это сейчас там крутые строятся, а раньше это что-то типа небольшой деревеньки было – частный сектор, а вокруг дачи. Вот теперь, у кого деньги есть, частный сектор выкупают и коттеджи строят, а кто из старых остался, те в домах попроще обитают. А Крайняя – это такая очень длинная улица, которая всю эту деревню как бы опоясывает. Место это не престижное, одно слово – край, так что там старых владельцев много, вот там и живет эта самая прислуга. Зовут Ускова Валентина Степановна. Записала?

– Да, спасибо.

– Ну, успехов тебе. Нароешь чего – не забудь поделиться.

– Не забуду.

Несмотря на то что наша беседа с Кирей на первый взгляд не несла особенной информационной нагрузки, но все же она позволила мне уяснить для себя несколько важных моментов.

Во-первых, выяснилось, что Зеленского официальные органы всерьез не принимают и ставят его на одну линию с Пашей, бойфрендом потерпевшей, которого я лично, учитывая комментарий своей подруги Лены, не рассматривала даже в качестве версии.

Во-вторых, в деле появилось новое лицо: а именно домработница, которая, если верить Кире, жила в доме еще при старых хозяевах и даже, возможно, при тех, которые и напичкали дом электроникой. Эта Ускова Валентина Степановна наверняка была в курсе очень многих внутренних дел семьи и могла сообщить много интересного. Дело было за малым: склонить ее к откровенности.

Кроме того, факт существования Валентины Степановны делал не такими уж безосновательными мои предположения о том, что Зеленский мог получать информацию о жильцах дома и многих других вещах задолго до того, как там поселилась Наталья Скобелева. Это тоже необходимо было принимать в расчет.

Ну и, наконец, третье, и, пожалуй, самое главное: я получила довольно четкое представление о системе защиты дома и в особенности о том, что в этой системе существует некая брешь, сквозь которую я смогу проникнуть, если окажусь по ту сторону забора.

Этот забор, как я и предполагала, оставался наименее преодолимым препятствием. Но предупрежден – значит вооружен, – о том, как именно расположены коварные датчики, я знала, значит, сейчас моя задача заключалась в том, чтобы придумать способ их обойти. И кажется, у меня даже есть некоторые соображения по этому поводу...

Что же касается так называемой «магазинной» сигнализации, о которой упомянул Киря, то, судя по всему, сейчас она не представляет никакой опасности. Ну а сигнализация внутренняя, к счастью, не связана со специальными охранными службами и создает препятствия только для непосредственного проникновения куда-либо. Как выразился тот же Киря, «в какие-либо комнаты или шкафчики». Правда, может оказаться, что эти препятствия будут посерьезнее всех прочих, вместе взятых, особенно если мне действительно захочется проникнуть в какой-либо интересный шкафчик... Но тут уж ничего не остается, как только положить на судьбу. Определимся на месте.

Я была полна решимости сегодня же вечером нанести несанкционированный визит в «умный дом». Но, учитывая все барьеры, которые мне предстояло преодолеть на этом пути, необходимо было сделать некоторые предварительные приготовления.

Был у меня один старый знакомый по имени Коля Свистунов, который увлекался весьма экстремальным видом спорта, а именно: лазанием по вертикальным поверхностям без страховки. Поскольку наши, тарасовские, окрестные ландшафты представляли очень ограниченные возможности для подобных упражнений, а небоскребами мы могли любоваться только по телевизору, Коля очень часто ездил на Кавказ и даже за границу, чтобы в компании таких же сумасшедших оторваться на полную катушку. Там они вволю лазили по отвесным скалам, не утруждая себя никаким альпинистским снаряжением, и возвращались обычно только тогда, когда кто-нибудь что-нибудь себе ломал.

Я как-то была в зале, где он тренируется. Для человека непосвященного этот зал не представляет никакого интереса. Пустая комната с очень гладкими стенами и потолком, к которым прикреплены какие-то совсем малюсенькие скобочки и ступенечки. Но стоило бы вам увидеть, какие фокусы выделывал там Коля, как он висел, наподобие летучей мыши под потолком, цепляясь за свои скобочки чуть ли не пальцами ног, как вы бы поняли, что первое впечатление очень обманчиво.

Вот к этому-то человеку я и планировала сейчас обратиться за консультацией и за некоторым снаряжением. Надо сказать, что Коля не всегда был таким отчаянным экстремалом. Начинал он с обыкновенного альпинизма и даже теперь участвовал иногда в спасательных операциях, поскольку был человеком опытным и, что греха таить, везучим. Поэтому во всем,

что касается технических средств, необходимых для преодоления непреодолимого, Коля был настоящим экспертом и мог дать очень ценный совет.

Виделись мы с ним нечасто, занятые каждый своим делом, но поскольку оба были по-своему экстремалами, то всегда понимали друг друга с полуслова, независимо от того, сколько времени прошло с нашей последней встречи. Мы могли несколько лет не видеться и не созваниваться, но все равно встречались так, как будто расстались только вчера.

Так было и на этот раз.

Решив сделать приятный сюрприз, я направилась прямо домой к Коле, но мне никто не открыл. Сотовый тоже не отвечал, и я уже испугалась было, что он снова уехал куда-нибудь к черту на кулички, как вспомнила, что он может быть в своем тренажерном зале.

Явившись туда, я обнаружила несколько мускулистых ребят, которые частично ползали по стенам, частично свисали с потолка. Мое появление было воспринято с большим интересом. Но узнав, что я ищу Колю, все стали смотреть на меня соболезнующе.

– В больнице он, – наконец сказал кто-то. – В травматологии. Опять поломался.

Снова пустившись в путь, я достигла наконец своей желанной цели.

– Ба-а! Вот так сюрприз! – как всегда весело и с энтузиазмомотреагировал на мое появление неунывающий Коля. – Татьян! Каким ветром? А я вот, видишь...

– Да уж вижу.

Весь забинтованный, загипсованный и увешанный какими-то противовесами, Коля лежал в клубке из каких-то веревок и канатов и сейчас, как никогда раньше, напоминал человека-паука.

– Из командировки? – понимающе спросила я.

– Не-а. – Глаза Коли хитро и озорно заблестели. – Расскажу – не поверишь. С крыши упал.

– Угадал, не верю.

– Да я и сам до сих пор не верю. А все из-за бабки из-за этой. Бабка у меня тут недалеко, в деревеньке. И прицепилась, как пиявка, – накрой да накрой ей крышу. Мол, протекает, а она, видишь ли, вся старая да хвора... Так достала – хоть стреляйся. Ну ладно, думаю, черт с тобой. Уговорил еще брата... ну, то есть этого... как его... муж сестры, – как его?

– Да неважно.

– Ну да. Ну вот, его еще взял, и полезли мы с ним на эту чертову крышу. А она, зараза, такая крутая да скользкая! Как будто специально маслом ее намазали. Ну и не сориентировался я в какой-то момент...

– Ты, да не сориентировался? Вот уж чему не поверю никогда.

– А что ты хочешь, в одной руке молоток, в другой гвоздей пачка – попробуй тут... Да и на ногах еще черти что, бахилы какие-то. Если бы босиком был, тогда может быть... А так... Но главная подлость не в этом. Подумаешь, с крыши упасть, чего мне, в первый раз, что ли? Какие-то три метра. Да раз плюнуть! Но ведь у этой бабки, у нее все не как у людей. У людей под домом земля, а у этой... пеньки какие-то, колоды... железяки. У нее там, где я падал, оказывается, склад дровяной. И рядом, соответственно, здоровенная колода для рубки дров. Еще бы она их рубить умела... Но это... ладно... Так вот, значит, – эта колода, потом еще козлы, тоже из здоровенных бревен, и еще старая какая-то емкость для воды из такого толстеного железа, которое только на броню для танков идет... Ну вот я значит, сначала на это железо попал, потом на козлы, ну а уж на десерт об колоду два ребра сломал. Как еще под топор не угодил...

Рассказывая мне свою историю, Коля то и дело от души хохотал и сетовал только на то, что запланированная поездка куда-то в Уральские горы срывается и ребята поедут без него.

Посмеявшись вместе с ним и посочувствовав, я решила наконец объяснить Коле, зачем явилась к нему...

Был уже поздний вечер. Я сидела в своей машине недалеко от коттеджа на улице Речной и ждала, когда сумерки сгустятся, чтобы иметь возможность приступить к намеченному плану.

Как я и ожидала, встреча с Колей Свистуновым оказалась не напрасной. Я получила и все необходимые мне консультации, и даже снаряжение. Хотя Коля и оставался неподвижен, но с помощью моего сотового (свой у него, как оказалось, отобрали врачи) он созвонился со своими друзьями, и те были так любезны, что не отказали мне в помощи.

В техническом плане я теперь была обеспечена по полной программе. Оставалось только применить это техническое обеспечение на практике, а это было не так-то просто, учитывая, что при всей моей прекрасной физической форме все-таки альпинизмом я, в отличие от Коли, не занималась никогда. А то, что мне предстояло сделать, трудно было назвать даже альпинизмом. Этот маневр нельзя было отнести ни к какому из известных ныне видов спорта, он представлял собой нечто своеобразное и в своем роде неповторимое.

Мне предстояло переместиться по воздуху.

Еще во время своего первого визита, когда сидела на дереве, я обратила внимание на множество разных флюгеров, шпилей и завитушек, которые торчали над многочисленными башенками и пристройками причудливого дома. У меня уже тогда возникла смутная мысль о практическом использовании этих бесполезных на первый взгляд украшений. Теперь же, когда я знала о коварных свойствах ограждающего поместье забора, этот путь представлялся единственно возможным.

Вокруг коттеджа росло много высоких деревьев, и план мой заключался в том, чтобы закрепить туго натянутый трос на одном из деревьев, а другой его конец зафиксировать на крыше. По этому канату я могла бы перебраться на крышу дома, не касаясь забора, а уж с крыши проникнуть внутрь – пара пустяков.

Слабая сторона этой гениальной стратегии заключалась в том, что раньше я ничего подобного не делала. Конечно, бесценные консультации Коли Свистунова огненными буквами запечатлелись в моей памяти, но одно дело – внимать советам, а другое – предпринимать практические шаги. В общем, я испытывала волнение.

Между тем густота сумерек достигла своего пика. Было уже достаточно темно, чтобы я могла маскировать свои перемещения, но еще достаточно светло, чтобы я могла отчетливо видеть силуэты нужных мне деревьев и флюгеров. Пора было начинать.

На сей раз для совершения задуманного предприятия мне понадобилось очень много разных вещей, поэтому я несла за спиной довольно увесистый рюкзак.

Первый шаг, который я предприняла, достигнув нужного мне забора, состоял в том, что я снова влезла на знакомый вяз и осмотрелась. Среди крыш различной конфигурации, которые предстали моему взору, внимание мое привлекла одна башенка, коническая крыша которой заканчивалась острым шпилем, довольно толстым у основания, по нижней части этого конуса шел неширокий, но зато совершенно горизонтальный бордюрик.

Башенка сразу мне понравилась. Если зацепить «кошку» за шпиль, то он легко выдержит меня, а добравшись до него, я очень удобно приземлюсь ногами прямо на бордюрик.

Тут весьма некстати мне вспомнился Колин рассказ о том, как он падал с крыши у своей бабушки, и я инстинктивно посмотрела вниз, с целью выяснить, чем заканчивается башенка на уровне земли. Шутки шутками, а если придется падать на неровную поверхность, то даже при небольшой высоте немудрено не только руки-ноги, но и шею себе сломать. Ограниченное пространство, особенно жестко ограниченное, может преподнести очень неприятные сюрпризы.

Но башенка заканчивалась вполне нормально. Правда, соломки под нее никто не подстелил, но и нагромождения железных и деревянных колод тоже не наблюдалось. Был просто асфальт.

Покончив с башенкой, я принялась за поиски подходящего дерева. Из всех растений, от которых до башенки можно было провести прямую линию, наиболее подходящим мне показался высоченный тополь, мощный и старый, на котором я могла бы не только надежно закрепить веревку, но и свить себе гнездо.

Итак, пункт А и пункт Б были найдены. Оставалось только проложить между ними воздушную дорогу.

Я спустилась на землю и через некоторое время снова оказалась наверху, но уже среди ветвей намеченного мною тополя. Удобно расположившись в кроне, я сняла рюкзак и достала оттуда тонкий и крепкий альпинистский трос с закрепленной на конце его «кошкой». Устраиваясь на тополе, я старалась подгадать высоту так, чтобы оказаться вровень с нужной мне башенкой. С этой самой высоты мне и предстояло метать свой крючок.

Задача была не из легких. Даже учитывая одинаковую высоту, расстояние от дерева до башни было очень большим. Кроме того, густые ветви кроны мешали хорошенько размахнуться. Поэтому ни с первого, ни даже с десятого раза мне не удалось достигнуть намеченной цели. А всякий раз, когда промахнувшаяся «кошка» в очередной раз летела вниз, я замирала от страха, что вот-вот она заденет решетку наверху забора, и все мои усилия пойдут прахом.

Сумерки сгущались все больше, а у меня ничего не выходило. Скоро станет совсем темно, и шансы зацепиться за проклятый шпиль вообще будут равны нулю.

Я подбирала самые язвительные выражения, мысленно ругая себя за построение несбыточных планов и в конце концов так взвинтила себя, что рассердилась по-настоящему. Хорошенько прицелившись, я с такой яростью швырнула ненавистную «кошку», что от испуга она тут же долетела до цели и мертвой хваткой вцепилась в шпиль.

«То-то же, – сказала я «кошке».

Закрепить трос на дереве было несравненно легче. С помощью особого приспособления, которое дали мне друзья Коли, я натянула канат так, что он звенел как струна. Дорога была готова.

Я достала из рюкзака особый пояс с карабином, который позволял, зацепившись за трос, легко передвигаться по нему в подвешенном состоянии. Надев перчатки, чтобы тонкий трос не повредил руки, я снова накинула на плечи рюкзак и, защелкнув карабин на тросе, сошла с гостеприимного тополя прямо в воздушное пространство.

Трос немного провис, но поскольку натянут был хорошо, то неудобств это не доставило. Только бы теперь выдержали мои пункты А и Б!

Подвешенная за талию, я перебирала руками трос, постепенно приближаясь к башенке, и время от времени взглядывала на прекрасное звездное небо. Было уже совсем темно.

«Одна в ночном небе... Невидима и свободна... Почти Маргарита, – неожиданно вспомнила я булгаковскую героиню. – Не хватает только швабры. То есть этой... как ее... щетки».

Глава 3

Освоенный мною новый способ передвижения доставил мне большое удовольствие, но всему хорошему приходит конец.

Башенка находилась прямо передо мной, но оказалось, что я немного не рассчитала высоту и в подвешенном за талию состоянии достать ногами до горизонтального бордюра у меня не получится. Пришлось отцепить пояс и с минуту повисеть на тросе на руках. Хорошо, что догадалась надеть перчатки. Иначе не миновать бы мне порезов на ладонях.

Приземлившись наконец-то на край башенки, я решила сориентироваться на местности. Сейчас мне предстояло спуститься вниз и отправиться на поиски разбитого полицейскими окна. Поиски эти, учитывая величину и замысловатость коттеджа, могли занять много времени, и я попыталась обнаружить это окно сверху, стоя на крыше башенки. Однако мне это не удалось.

Несколько окон, которые были видны с моей позиции, выглядели вполне целыми, а дальнейший обзор закрывали боковые пристройки. Похоже, мне предстоит тупо двигаться по периметру дома, пока я не наткнусь на искомое, прикрытое фанеркой окно.

Я достала из рюкзака еще одну веревку, уже не специальную, альпинистскую, но тоже довольно прочную, закрепила ее на шпиле башенки рядом с «кошкой» и без особых проблем спустилась вниз.

Внизу ничто не мешало моим передвижениям, и за очередным поворотом я обнаружила под ногами осколки стекла, а перед глазами – окно с зияющей в стеклопакете дырой, которую лишь отчасти стыдливо прикрывал небольшой лист фанеры. Я убрала этот лист и осторожно проникла внутрь дома.

Зная, что предстоит работать в темноте, я прихватила с собой два разных по величине фонарика. Один, поменьше, для передвижений, другой, побольше, на тот случай, если придется что-то читать или фотографировать. Конечно, я очень смутно представляла себе, что именно я хочу найти в доме. Но мысль о наследстве не покидала меня, кроме того, все обстоятельства дела говорили о том, что здесь действовали люди, очень хорошо знающие всю подоплеку и находящиеся в курсе всех семейных дел. Поэтому исследование дома, который долгое время был основным гнездом этой семьи, в любом случае было полезным.

К тому же этот дом являлся местом преступления, и это тоже было немаловажной причиной для того, чтобы посетить его.

Размышляя об этом, я прошла несколько комнат, на вид запущенных и нежилых, с чехлами на мебели, и оказалась в небольшой спальне, которая не носила на себе следов выморочности. Я предположила, что это и была спальня девушки, и это предположение очень скоро подтвердилось.

Открыв несколько ящиков комода и заглянув в шкаф, я обнаружила там женские вещи, которые вполне соответствовали текущим модным тенденциям, но приобретались явно не в бутиках. Не было никакого сомнения, что вещи – это одежда Натальи Скобелевой, а стоящая в углу кровать – именно та самая, на которой ее задушили. «Чем-то вроде изолированной проволоки» – так, кажется, сказал Киря?

Я включила большой фонарь и, не очень надеясь на успех, попыталась обнаружить в комнате орудие убийства или хотя бы тот предмет, от которого это орудие было оторвано. Но предчувствие не обмануло меня, я ничего не нашла. Ни под кроватью, ни под креслами и тумбочками не валялось ничего похожего на кусок изолированной проволоки, и все светильники в комнате щеголяли аккуратно прикрепленными проводами.

Поскольку Киря насчет проволоки лишь предполагал, то, вероятнее всего, и его ребята обнаружили то же, что и я. Место преступления было действительно чистым. Насчет отпечат-

ков придется поверить товарищу подполковнику на слово, но мне было известно, что Кирины ребята знают свое дело и раз говорят, что отпечатков нет, значит, их действительно нет.

Еще раз окинув взглядом спальню, я снова включила маленький фонарь и двинулась дальше. Мне хотелось найти нечто вроде кабинета или библиотеки, то есть такое помещение, в котором могли бы храниться документы. Но обходя комнаты, я пока ничего похожего не встречала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.